

ным терзается соболезнованием; а собственные злключения меньше его поражают. Оно сдается ревностью споспешествовать чужому счастью, особливо же общественному». ²³ Эта характеристика, казалось бы, очень напоминает идеал писателя-гражданина, нашедший воплощение и в творчестве, и в самой жизни Радищева. Способность «уязвляться страданиями человечества», готовность жертвовать личным благополучием во имя общественных интересов — черты, наиболее ярко характеризующие автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Однако в этом случае речь может идти не о сходстве, не о соответствии точек зрения, а только об их довольно неожиданном соприкосновении. Эрнести никогда не изменял своей основной позиции — позиции вполне благонамеренного университетского профессора, почтительно склоняющегося перед авторитетом церкви и гражданской власти. Благочестие — самая главная добродетель в представлении Эрнести. Ревностный богослов, он даже считал, что «всех авторов сочинения, сколько возможно, должно сравнивать с священным писанием и показывать, сколько все то, что в нем ни содержится, преимуществует пред теми». ²⁴

Как профессору красноречия Эрнести часто предлагали выступать с похвальными речами, и он всегда находил лестные слова для прославления заслуг знатных людей города, получая за свои выступления щедрое вознаграждение. Это было вполне в порядке вещей, но именно такой обычай славословия вызывал решительное неприятие Радищева. Говоря об увлечении Ушакова латинскими классиками, писатель подчеркивал: «Не льстец Августов и не лизорук Меценатов прельщали его, по Цицерон, гремящий против Катилины, и колкой Сатирик, нещадящий Нерона» (I, 179). Очевидно, что и сам Радищев отдает предпочтение политическому красноречию и ценит в ораторской прозе прежде всего ее гражданственность.

Между тем в немецкой литературе XVIII в. трудно найти такие образцы красноречия. Исследовательница немецкой ораторской прозы XVII—XVIII вв. приходит к следующему выводу: «Обзор задач ораторского искусства в общественной жизни в течение XVII и XVIII столетий по сравнению с греческими и римскими риториками обнаруживает, что судебная и политическая речь не имела никакой действительной силы в раздробленной, феодально-абсолютистской Германии. Как во времена падения республиканских форм правления в Афинах и Риме, в Германии существует только юбилейная или надгробная речь, содержание которой преимущественно сводится к похвале». ²⁵

Дух немецкой ораторской прозы, дух, о котором так много говорил Эрнести, оказывался глубоко чужд и даже враждебен Ра-

²³ Эрнести И. А. Дар любителям наук, с. 56.

²⁴ Там же, с. 78.

²⁵ Stötzer U. Deutsche Redekunst im 17. und 18. Jahrhundert, S. 92—93.